

О. Е. Похаленков, А. А. Румянцева

Христианские темы и мотивы в произведениях о чеченской войне

Находясь в жестоких реалиях постсоветской смуты, многие люди отыскивали для себя новый источник душевных сил и светлых надежд – упование на Бога. Кроме того, возрождение религиозной идеи упрочило связь с традициями национального сознания. Во время чеченского конфликта вера стала душевной опорой для большого числа российских солдат и мирных жителей, что отражено в романах, повестях, рассказах о событиях в Чечне. В представленной статье рассмотрены христианские темы и мотивы в рассказах о чеченской войне. При анализе произведений обнаруживается связь текстов с Евангелием, православной традицией и идеей христианского воинского служения.

Ключевые слова: тема, мотив, молитва, чеченская война, родина, православная вера, мученичество, самопожертвование, всечеловеческое братство.

Oleg E. Pokhalenkov, Anna A. Rummyantseva

Christian Themes and Motives in Stories about the Chechen War

Being in the cruel realities of the post-Soviet turmoil, many people have found for themselves trust in God as a new source of spiritual strength and bright hopes. In addition, the revival of the religious idea has strengthened the connection with the traditions of national consciousness. During the Chechen conflict, faith became a spiritual support for a large number of Russian soldiers and civilians, which is reflected in novels, novellas, and stories about events in Chechnya. The article presents Christian themes and motives in the stories about the Chechen War. When analyzing the works, one can find the connection of the texts with the Gospel, the Orthodox tradition and the idea of Christian military service.

Key words: theme, motive, prayer, Chechen war, motherland, Orthodox faith, martyrdom, self-sacrifice, universal brotherhood.

К данному исследованию нас побудила проблема, заключающаяся в том, что литература о чеченской войне мало изучена. Исследователи в работах, посвящённых литературе о чеченской войне, в основном пишут о человеке на войне и о новом отношении к войне.

Многие особенности «чеченской» (берём это понятие в кавычки, поскольку имеем в виду тематическую отнесённость произведений (русская литература о чеченской войне), а не национальную – творчество чеченских писателей) литературы не исследованы вовсе. Специфика тем и мотивов произведений, о которой пойдёт речь в данной статье, в том числе.

Материалом анализа становятся одни и те же тексты: главным образом романы и повести З. Прилепина, А. Карасёва, А. Проханова и А. Бабченко (в частности, повесть «Алхан-Юрт»). Но «чеченская» литература широко представлена и малой прозаической формой: рассказами, очерками, новеллами. Данные жанровые разновидности пока не исследованы, и они станут объектом изучения в статье.

Прежде чем говорить о тематической и мотивной наполненности рассказов о чеченской войне, зафиксируем определения понятий темы и мотива.

По определению ЛЭС, тема – это «...круг событий, образующих жизненную основу эпических или драматических произведений и одновременно служащих для постановки философских, социальных, этических и др. идеологических проблем» [5, с. 437]. Значение понятия «мотив» в ЛЭС такое: «устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста... Мотив, таким образом, в отличие от темы, имеет непосредственную словесную (и предметную) закреплённость в самом тексте произведения... Для повествовательных и драматических произведений, более насыщенных действием, характерны сюжетные мотивы; многие из них обладают исторической универсальностью и повторяемостью: узнавание и прозрение, испытание и возмездие (наказание)» [5, с. 230].

Заметим, что проза о чеченской войне включает в себя много тем (например, человек на войне, жизнь после войны, политическая, историческая тема, часто имеющая в основании сравнение Великой Отечественной, Афганской и чеченской войн и т. д.) и мотивов (в частности, мотив смерти, страха, бессмысленности происходящего). В рамках статьи проанализировать все из них не представляется возможным, поэтому мы рассмотрим лишь одну – однако очень важную – их совокупность: христианские темы и мотивы.

Главными темами прозы о чеченской войне являются дружба и самопожертвование. По нашему мнению, эпиграфом ко всей литературе о чеченском конфликте может стать цитата из Евангелия: «*Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих*» (Ин. 15:13) [1]. Так, в рассказе «Нет больше той любви» И. Мариукина главный герой ценой своей жизни спасает товарищей, попавших в засаду (кстати говоря, после смерти Саньки друзья находят его записную книжку, в которой были запечатлены те самые

слова из Евангелия от Иоанна) [10]. В произведении Е. Наговицыной «Тонкая струна» героиня закрыла своим телом гранату, спасая сослуживцев [10]. В рассказе Виталия Носкова «За други своя» поведана история того, как, рискуя собой, соборцы Центрального региона искали тела убитых в бою за Грозный офицеров Курганского СОБРа, чтобы вернуть их на родину [8].

На наш взгляд, рассказ В. Шурыгина «Снискали бессмертие» можно назвать не только произведением, раскрывающим тему самопожертвования на войне, но и реминисценцией к бою под Дубно, описанному в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». В рассказе несколько героических смертей на чеченской войне описаны по той же схеме, что и гибель казаков в эпизоде сражения под Дубно: подвиг(и) – предсмертные слова, обнаруживающие общую идею, за которую воины отдают жизнь, – смерть. Приведём в пример последние слова некоторых запорожцев (9-я глава): «Прощайте, паны-братья, товарищи! пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» (Мосий Шило); «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! пусть же после нас живут лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» (Кукубенко) [3] и др. Эти цитаты демонстрируют, что все казаки умирали за процветание Русской земли и сохранение православной веры. Через сотни лет эта идея возродилась: «Впервые за много лет зазвучали всегласно и гордо слова о мужестве, подвиге, героизме. Возродилось понятие “защищать Россию”, “умереть за Россию”» [8, с. 40] Каждая история в рассказе – смерть за Родину, за своих товарищей с молитвой на устах: «– Прощайте, братцы! – Николай из Смоленска перекрестился и, встав в полный рост, бросился на подбегавших боевиков...» [8, с. 32]; «– ...боеприпасы кончились. “Духи” ворвались в траншеи. Весь огонь на меня! Повторяю, весь огонь на меня! Не жалейте снарядов. Прощайте, мужики! Слава России! Огонь!» [8, с. 35] и др.

Кроме того, и в рассказе Шурыгина, и в повести Гоголя есть созвучные места. В частности, рассуждение рассказчика о том, что будет с воином после смерти: «А потом душа русского комбата тихо отлетела ввысь. На Божий суд, где ему предстояло по-солдатски мужественно ответить праведникам, за что он бился и за что принял смерть. И душа его не боялась этого суда» (Шурыгин) [8, с. 36]; «И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам; хорошо будет ему там. “Садись, Кукубенко, одесную меня! – скажет ему Христос. – Ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь”» [3].

Каждую историю подвига у Шурыгина, как и у Гоголя, объединяют, наряду с предсмертными словами воинов, повторы: «И отлетела солдатская душа», «голубем плеснула [в небо] солдатская душа» и пр. (Шурыгин); «...и вынеслась казацкая душа из сурового тела», «И там же испустил дух свой» и др. (Гоголь).

Практически синонимична славной смерти за друзей другая христианская тема – мученичество. Героически погибших воинов зачастую справедливо считают мучениками за Родину, веру, правду, а тех из них, кто принял мученическую кончину, нельзя не назвать героями. Яркий пример – рассказ А. Борзенко «Пасха» о распятых на крестах русских солдатах [8, с. 8–20]. Это произведение основано на реальных событиях, что подтверждает статья В. Киселёва, в которой журналист, освещая события боёв за село Гойское в начале апреля 1996 года, говорит о факте распятия российских воинов на крестах [4]. О подобных случаях рассказывают Л. Рохлин, В. Миронов, А. Оверчук и многие другие участники и свидетели событий в Чечне [6]. История о распятых солдатах фигурирует и в одной из частей «Выступления на Глинских чтениях» А. Маньшина [8, с. 122–123]. Чудовищно то, что для героев литературы о чеченской войне крестная смерть перестаёт быть символической (как, допустим, в поэме В. Ерофеева «Москва-Петушки», романе «Доктор Живаго» Пастернака (см. стихотворение Юрия Живаго «Гамлет») и т. д.) или выдуманной (к примеру, как в рассказе Х. Л. Борхеса «Евангелие от Марка»), как во многих произведениях русской и зарубежной литературы. Крестные страдания оказываются реальными историческими фактами. И это открывает перед нами тему жестокого религиозного противостояния во время чеченской войны, которая снова выходит за литературные рамки и становится описанием действительности. Известно, что на гербе Чеченской Республики Ичкерии был изображён волк – вероятнее всего, сознательно выбранный боевиками антихристианский символ (знак христиан – овцы). В. Носков в очерке «Утро псового лая» о нём пишет: «Волк – национальный знак?.. Он потаен, скрытен, предательски коварен. Волк – древнеязыческий тотем. Несчастливые люди те, кто живет под таким символом» [8, с. 254].

Стремление чеченских радикалов к воцарению «великого исламского государства» ломает судьбы и отнимает жизни русских людей. Это становится основной мыслью рассказа В. Носкова «Взрыв на Тереке» о геноциде русского населения, о женщине, оказавшейся с сыном в рабстве у боевика («После прихода к власти Дудаева русскому в Чечне некому было пожаловаться. Разве только Господу Богу», – пишет Носков в очерке «Утро псового лая» из того же цикла [8, с. 245]). Но, осознавая безвыходность их положения,

её 13-летний сын не смиряется с ним: «...проникнув в подвал с боеприпасами, он тихонько вскрыл ящик с гранатами и, взяв Ф-1, перекрестившись, выдернул чеку...» [8, с. 282] – и взрыв происходит неподалёку от того места, где располагались диверсанты Хаттаба.

Тема религиозного противостояния появляется в очерке В. Носкова «Мир всем», рассказывающем о жизни храма Архистратига Божиего Михаила в Грозном во время Первой чеченской войны. Церковь была практически разрушена: «Огонь, как дракон, пожрал вдохновенной красоты убранство. Потом российский случайный снаряд повредил часть административного здания, а чеченская ручная граната нанесла урон ещё двум комнатам. Всё время войны осколочный дождь падал на церковный двор» [8, с. 170]. Многим русским жителям Грозного после ужасов геноцида [9] и войны было трудно представить, что заповедь Христа о молитве за врагов может быть истиной: «...пришел в церковь русский юноша, зажег поминальную свечку и сказал перед распятием Иисуса Христа: “Господи, покарай чеченцев – убийц моего отца”» [8, с. 171].

Но главный посыл данного очерка, как и многих рассматриваемых нами рассказов, на самом деле противоположен. Красной нитью через все эти произведения проходит тема противоестественности войны для человеческих душ, для нормальной жизни. Именно поэтому «[н]енависть к врагам православные, приходящие в храм, оставляют за простреленными воротами» [8, с. 173]. Церковь становится местом объединения людей вне зависимости от вероисповедания или принадлежности к какой-либо стороне: «Приходили православные и мусульмане: в городе знали, где перевяжут, умоют, утешат, дадут кров. Однажды пришел абхазец-дудаевец. Снял кинжал с пояса, оставил его на церковных ступеньках, вошел, помолился и тихо исчез. Так же поступил российский боец, попросив меня поддержать его автомат, пока он поставит свечки за погибших друзей» [8, с. 172–173]. Храм в военное время оказывается тем островком мира, где человек человеку снова становится братом: «В Грозном, как и по всей Чечне, идет партизанская война, но по церкви Михаила Архангела боевики не стреляют. Наверное, знают, что в храме молятся и за них, что православный, грешащий непримирительным гневом, повинен вечной смерти» [8, с. 173].

Кульминационным для идеи всечеловеческого братства [2] можно назвать случай, приведённый в конце рассказа Ю. Листопада «Господь сохранил». Автор рассказывает о том, как пленные чеченские полевые командиры, наблюдая за духовной жизнью русских воинов одной из мотострелко-

вых частей (солдаты на их глазах регулярно молились, читали акафисты, слушали проповеди военного священника), попросили их крестить, «дабы и им сделаться воинами Христовыми» [8, с. 119].

Чеченская война – это конфликт, в котором трудно разделить всё на чёрное и белое. Часто люди оказывались заложниками ситуации. Это понимали многие: «Хусейн знал: не все чеченцы враги России и жалел тех, кто взял в руки оружие, потому что в огне войны погибли родственники», – говорится о герое рассказа В. Носкова «Глядящие с небес» [8, с. 296]. Могло сложиться так, что друг против друга воевали друзья, и это делало противостояние крайне болезненным. Так сложились обстоятельства в рассказе В. Исмагилова «Вопрос без ответа» [10], где по разные стороны баррикад находились боевые товарищи по Афгану. Оба героя произведения решили для себя не убивать друга, что неправильно по закону войны, но единственно верно по закону человечности.

Противоестественность происходящего показывает история, рассказанная А. Маньшиным в «Выступлении на Глинских чтениях», в которой российский военный отдаёт свой хлеб голодному чеченскому мальчику. Но потом оказывается, что в другой руке у подростка была граната, которую он тут же, вместо благодарности, бросил в русских солдат. Моральные законы, работающие в мирное время, на войне ломаются: даже дети, благославленные Господом («*Будьте как дети*» (Мф. 18:3), «*ибо таковых есть Царствие Божие*» (Мк. 10:14) [1]), оказываются врагами, которых надо убивать. Ведь война – та реальность, в которой на любой поступок противника, даже добрый, принято отвечать злом. Тем не менее к такому слову сознания в этой истории солдаты не готовы: один из героев, поймав мальчика на прицел, так и не смог в него выстрелить: «...у меня в России остался брат, братишка такого же возраста, и я подумал, что я стреляю в него» [8, с. 121]. В этой истории мы видим и мотив гибели детства, нередко встречающийся в произведениях о чеченской войне. Под гибелью детства мы подразумеваем не только нестерпимо болезненное и практически мгновенное взросление человека в военное время, но и надлом в его душе, не способной более воспринимать мир чисто, наивно, радостно, как заповедал своим ученикам Христос. Вот почему Захарка Руднев во «Взрыве на Тереке» совершает самоподрыв. И именно поэтому в реальности войны невозможно существование по-детски непосредственного, наивного и поразительно добродушного Саньки Сомова из рассказа «Нет больше той любви».

Одним из основных является мотив воли Божьей. Религиозные люди верят, что Бог смотрит за всем происходящим, и это случается по Его воле и

попущению. Именно поэтому в очерке Носкова «Мир всем» настоятель храма Архистратига Божиего Михаила на вопрос о причинах разрушения церкви отвечает: «По грехам нашим. Ибо мы маловерны» [8, с. 172]. Автор пишет, что, сталкиваясь с трудностями, прихожане говорили: «На все воля Божия. Так угодно Господу по нашим грехам» [8, с. 176], – и преодолевали их. Данный мотив неразрывен с мотивом молитвы, потому что общение с Богом, по вере человека, способно изменить течение событий, в том числе самых сложных ситуаций: «*Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его*» (Пс. 90:15) [1]. Это наглядно показано в описании боя в рассказе Ю. Листопада «Господь сохранил»: «...Русских буквально начали расстреливать в упор. И тут он [главный герой. – О. П., А. Р.] вспомнил о благословенной иконке Великого Князя Александра Невского. Лихорадочно достав ее с груди, успел только подумать слова молитвы: “Князь – воин русский, помогай!” И начал креститься. Был на какое-то мгновение в молитвенном забытии, потом оглянулся и увидел, что лежавшие рядом спецназовцы, глядя на него, тоже крестятся. И после молитвы начали дружно отвечать на чеченские выстрелы из автоматов и подствольных гранатометов, над головами же дружной заработали бэтээровские крупнокалиберные пулеметы. <...> со стороны чеченов, стал стихать огонь» [8, с. 117–118]. Таким образом, по молитвам Святого, Господь сохранил жизни многим российским солдатам.

В «Выступлении на Глинских чтениях» А. Маньшина говорилось, что Бог услышал молитву солдата («...я только молился как мог, вернее читал молитвы, молиться очень тяжело... и не знал, что сказать ему» [8, с. 121]) и побудил его сослуживца пожалеть чеченского мальчишку, бросившего в них гранату (история описана выше). Приведём другие примеры появления мотива молитвы: «Мины падали из черного ночного зенита, как рок, как проклятье. И каждый, вжавшись в камни, молил лишь об одном, чтобы следующая была не его...» [8, с. 27] (В. Шурыгин, «Снискали бессмертие»); «...материнские молитвы хранят этого русского воина, по-прежнему верящего в справедливость...» [8, с. 160] (В. Носков, «Исповедь офицера») и др.

Важной частью духовной жизни верующих во время войны считается не только молитва о сохранении жизни, но прошение о спасении душ погибших. Поэтому в некоторых рассказах о чеченском конфликте описание панихиды – заупокойное богослужение, во время которого поминаются усопшие и, в уповании на милосердие Божие, испрашивается им прощение согрешений и блаженная вечная жизнь [7] – становится составляющей сюжета. Так, в произведении В. Шурыгина «Снискали бессмертие» есть часть с подзаголовком

«Прощание с героями», в которой рассказывается о панихиде по погибшим в Чечне воинам, совершённой в Псковском Свято-Троицком соборе в марте 2000 года [8, с. 38–40]. А новелла Н. Иванова «Помяни, Господи...» полностью посвящена описанию заупокойной службы по неизвестным солдатам: «– Помяни, Господи, здесь лежащих, – <...> читал [священник. – *О. П., А. Р.*] громко, нараспев, словно с высоким небом разговаривал. – Помяни и тех, кого мы не помянули из-за множества имен. Или кого забыли. Или чьи подвиги не знаем. Но Ты, Господи, знаешь всех защитников России и помяни каждого. И вознеси их в селение праведных» [10], – передаёт автор слова молитвы. И новелла заканчивается, как молитва, сакральным словом «Аминь!»

Как видим, важными в рассказах о чеченской войне представляются не только рассуждения о человеке на войне, политических причинах конфликта, сопоставление авторами Великой Отечественной, Афганской и чеченской войн и т. д., но и тесная связь со Священным Писанием (на уровне отсылок, реминисценций, символики) и христианской традицией (оживающей в вере, молитвах героев произведений, значимости для них Церкви и церковных обрядов). Нам удалось найти в рассказах о чеченском конфликте следующие христианские темы: дружбы и самопожертвования, мученической смерти, религиозного противостояния, противоестественности войны для людей (всечеловеческого братства); а также три христианских мотива: в гибели детства, воли Божьей, молитвы.

«Чеченская» проза неразрывно связана с религиозным мироощущением, христианскими темами и мотивами, потому что христианские заповеди и православная вера становятся нравственными ориентирами для многих российских солдат.

Воины во время чеченского конфликта часто возвращались к религиозной идее. В 1990-е в России место идеологии пустовало [6], и самой стойкой оказалась идея того, что чеченскому национальному сознанию (предмет манипуляции боевиков) нужно противопоставить русское. А оно невозможно без русской религиозности. Борьба со злом вместе со Христом, воплощающим добро и справедливость, для многих солдат и стала тем самым «нашим», русским, ответом, решив для воинов проблему безыдейности и бессмысленности войны.

В каждой войне есть и подвиги, и страх, и возвышенные идеи, и бытовые проблемы, и бессмыслица, но в то же время есть бескорыстная любовь к Родине, которая русским воинам, в том числе участвовавшим в чеченской войне, важнее личного комфорта, политики и даже жизни. Защитники Отече-

ства отнюдь не «мельчают», а перенимают патриотизм своих предшественников, от древнерусских воинов до советских солдат. Дополнит эту мысль цитата из рассказа В. Шурыгина «Снискали бессмертие»: «Погибший десантник Алексей Воробьев написал в своем дневнике: “Мои предки были связаны с каждой войной, воевали за интересы России, за волю, за Веру, Царя и Отечество. Не стыдно ли им будет за меня, за мои поступки, ведь я их продолжатель? Это дает мне силы”» [8, с. 39–40].

Во время войны многие люди находили утешение в вере, надеялись на то, что по милосердию Божьему искоренится ненависть и злоба: «...православные люди... молят Господа и Божью Матерь, чтобы они допустили городу жить, чтобы люди не умирали, чтобы на этой благодатной, но страшно грешной земле воцарился мир» [8, с. 177]. По сути, краеугольным камнем всех рассмотренных нами рассказов и очерков о чеченской войне является идея о необходимости мира на земле. Во-первых, это относится к патриотической идее, о которой говорилось выше. Патриотизм рождается не из войны, а из памяти о мирной жизни на родине, поэтому бесчеловечная вражда, разрушение родных мест и проч. причиняет человеку боль, и он стремится защитить эту память о мире. А во-вторых, обращение «военных» писателей (и, как нам кажется, это относится и ко всем людям вообще) к Священному Писанию и христианским идеям имеет смысл тогда, когда в основе мыслей, которые они хотят донести до нас, одна из главных заповедей Иисуса Христа: «Возлюби ближнего своего».

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические. – М.: Российское Библейское общество, 2014. – 1325 с.
2. Балакшина Ю. Братство как национальная идея. Доклад на IV Международной научно-практической конференции «Личность в истории православных братств: епископы, священники, миряне». Тверь, 2–4 февраля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://psmb.ru/a/bratstvo-kak-natsionalnaia-idea.html> (дата обращения: 05.03.2022).
3. Гоголь Н. Тарас Бульба. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1070/p.11/index.html> (дата обращения: 05.03.2022).
4. Киселев В. Солдаты, распятые на крестах // Нижегородская правда. – 2012. – № 29. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.pravda-nn.ru/archive/2012-03-17/soldaty/> (дата обращения: 05.12.2021).
5. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. Кожевникова В., Николаева П. – М.: Советская Энциклопедия, 1987. – С. 752.
6. Норин Е. Чеченская война в 2 т. – Н. Новгород: Чёрная Сотня, 2021. – Т. 1. – 352 с.
7. Панихида // Православная энциклопедия «Азбука веры». [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/panixida> (дата обращения: 06.03.2022).

8. Рассказы о чеченской войне. – М.: Трифонов Печенгский монастырь, Книжное дело, Ковчег, 2005. – 464 с.
9. Савельев А. Чёрная книга Чеченской войны. Аналитический доклад. – М.: Родина, 2000. – 124 с.

References

1. *Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta: kanonicheskie* [The Bible. Books of Holy Scripture of the Old and New Testaments: canonical]. Moscow: Rossijskoe Biblejskoe obshchestvo, 2014. 1325 p. (In Russian).
2. Balakshina, YU. *Bratstvo kak nacional'naya ideya. Doklad na IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Lichnost' v istorii pravoslavnyh bratstv: episkopy, svyashchenniki, miryane»* [Brotherhood as a national idea. Report at the IV International Scientific and Practical Conference "Personality in the History of Orthodox Brotherhoods: Bishops, priests, laity"]. *Tver'*, 2–4 fevralya 2020 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://psmb.ru/a/bratstvo-kak-natsionalnaia-idea.html> (data obrashcheniya: 05.03.2022). (In Russian).
3. Gogol', N. *Taras Bul'ba* [Taras Bulba] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ilibrary.ru/text/1070/p.11/index.html> (data obrashcheniya: 05.03.2022). (In Russian).
4. Kiselev, V. *Soldaty, raspyatyje na krestah* [Soldiers crucified on crosses] *Nizhegorodskaya Pravda* [Nizhegorodskaya Pravda]. 2012. № 29. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://old.pravda-nn.ru/archive/2012-03-17/soldaty/> (data obrashcheniya: 05.12.2021). (In Russian).
5. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary Encyclopedic dictionary] pod obshch. red. Kozhevnikova V., Nikolaeva P. Moscow: Sovetskaya Enciklopediya Publ., 1987. P. 752. (In Russian).
6. Norin, E. *CHechenskaya vojna v 2 t.* [The Chechen War in 2 vols]. N. Novgorod: CHyornaya Sotnya, 2021. T. 1. 352 p. (In Russian).
7. *Panixida* [Memorial service] *Pravoslavnaya enciklopediya «Azbuka very»* [The Orthodox encyclopedia "The Abc of Faith"] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://azbyka.ru/panixida> (data obrashcheniya: 06.03.2022). (In Russian).
8. *Rasskazy o chechenskoj vojne* [Stories about the Chechen war]. Moscow: Trifonov Pechengskij monastyr', Knizhnoe delo, Kovcheg Publ., 2005. 464 p. (In Russian).
9. Savel'ev, A. *CHyornaya kniga CHechenskoj vojny. Analiticheskij doklad* [The Black Book of the Chechen War. Analytical report]. Moscow: Rodina Publ., 2000. 124 p. (In Russian).